
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINALLY-REMEDIAL MEASURES OF CRIME FIGHTING

УДК 343.1

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(1).116-127

ОСНОВНЫЕ СКРИПТЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Н.П. Кириллова¹, И.Г. Смирнова²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

21 декабря 2017 г.

Дата принятия в печать

16 февраля 2018 г.

Дата онлайн-размещения

2 марта 2018 г.

Ключевые слова

Уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная политика; мониторинг; кадровая политика; назначение уголовного судопроизводства; концепция уголовной политики

Аннотация. Ключевые вопросы и проблемы современной уголовно-процессуальной политики рассмотрены в статье через призму ее скриптов — с позиции фактической реализации уголовно-процессуальной политики, а также с позиции ожидаемых результатов и основных тенденций развития уголовного судопроизводства. С учетом анализа современного уголовно-процессуального законодательства, характера изменений и дополнений, вносимых в УПК РФ в течение 15 лет, а также деятельности судов и иных правоохранительных органов по его реализации авторы выделяют некоторые позитивные и отрицательные черты современной уголовно-процессуальной политики и основные ее тенденции. В статье рассматриваются такие позитивные черты современной уголовно-процессуальной политики, как сохранение и развитие в уголовно-процессуальном законодательстве и в правоприменительной практике конституционных принципов уголовного судопроизводства, принципов и норм международного права; попытка законодателя и правоприменителя поддерживать баланс общественных и частных интересов; реализация средств конституционного контроля для поддержания баланса между ветвями власти. Также в статье выделяются ключевые проблемы уголовно-процессуальной политики, такие как целевое назначение реализации механизмов уголовно-процессуального регулирования, достаточность средств ее реализации, соотношение цели и средств ее достижения, несогласованность с иными направлениями правовой политики, в частности с уголовной и с уголовно-исполнительной политикой государства, и дается их соответствующая оценка. Авторы полагают, что описанные выше факторы определяют необходимость внедрения в уголовно-процессуальную материю ряда жизненно важных скриптов уголовно-процессуальной политики, а именно: разработка единой концепции уголовной и уголовно-процессуальной политики, принятие политического решения о выборе модели современного российского уголовного судопроизводства, решение кадровых проблем.

KEY SCRIPTS OF CONTEMPORARY CRIMINAL PROCEDURE POLICY

Natalia P. Kirillova¹, Irina G. Smirnova²

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, the Russian Federation

² Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2017 December 21

Accepted

2018 February 16

Accepted

2018 March 2

Keywords

Criminal court procedure; criminal procedure policy; monitoring; human resources policy; deployment of criminal court procedure; criminal policy concept

Abstract. The key aspects and problems of contemporary criminal procedure policy are examined through the prism of its scripts – from the standpoint of actual implementation of the criminal procedure policy as well as from the standpoint of expected results and key trends in criminal court procedure development. The authors single out some positive and negative characteristics of contemporary criminal procedure policy as well as its key trends based on the analysis of contemporary criminal procedure legislation and the nature of changes and amendments introduced in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the last 15 years, as well as the work of courts and other law enforcement bodies on implementing them. The paper examines such positive traits of modern criminal procedure policy as the preservation and development of the constitutional principles of criminal court procedure, of the principles and norms of international law in the criminal procedure legislation and the law enforcement practice; the use of constitutional control means to maintain the balance between the branches of power. The authors also single out key problems of the criminal procedure policy, such as the purpose of using criminal procedure regulation mechanisms, the sufficiency

© Н.П. Кириллова, И.Г. Смирнова, 2018

of the tools for its implementation, the correlation between the goal and the means of reaching it, the lack of coordination with other areas of criminal policy, in particular, with the state criminal and penal policies; the authors present their assessment of these problems. They believe that the described factors predetermine the necessity of implementing a number of vital criminal procedure scripts in the criminal procedure sphere, namely: the development of a unified concept of criminal and criminal procedure policy, the political decision regarding the choice of a model for contemporary Russian criminal court procedure, the solution of the human resources' problems.

В переводе с английского *script* — это краткое описание действий, выполняемых системой. Следовательно, рассмотрение вопроса о скриптах уголовно-процессуальной политики на современном этапе возможно в двух аспектах — с позиции фактической реализации уголовно-процессуальной политики, а также с позиции ожидаемых результатов и основных тенденций развития уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что не теряют своей остроты и актуальности вопросы этимологического анализа уголовно-процессуальной политики [1, р. 6–36; 2; 3], ее места в уголовной политике [4; 5], неразрывной связи с принципами уголовного судопроизводства [6] и правами личности [7], основных направлений развития уголовно-процессуальной политики [8; 9], а равно ее экономического обоснования [10].

В своем выступлении в рамках Байкальского юридического форума, состоявшегося в Иркутске в стенах Байкальского государственного университета 21–22 сентября 2017 г., профессор О.В. Качалова образно сравнила уголовное судопроизводство с кораблем, ниже ватерлинии которого находятся движущие механизмы, именуемые уголовно-процессуальной политикой. Иными словами, весь инструментарий, имеющийся в распоряжении законодателя и правоприменителя в сфере борьбы с преступностью, должны средства реагирования на все факты совершения преступлений в совокупности с целевыми установками их применения образуют уголовно-процессуальную политику.

Оценивая современное уголовно-процессуальное законодательство, характер изменений и дополнений в УПК РФ в течение 15 лет, а также деятельность судов и иных правоохранительных органов по его реализации, можно выделить некоторые позитивные и отрицательные черты современной уголовно-процессуальной политики и основные ее тенденции. Анализ тенденций развития уголовно-процессуальной политики может способствовать более взвешенному подходу к формированию на законодательном

уровне ее целостной концепции; установить баланс между «передовыми общественно-политическими достижениями мировой цивилизации и сложившимися за долгие годы национальными традициями» [11, с. 1]. Более того, зарубежные ученые-процессуалисты также обращают внимание на политические аспекты уголовно-процессуального законодательства. Например, J. Pradel подчеркивает, что лежащие в основе разработки кодексов причины имеют несомненный политический характер [12, р. 651].

Положительной чертой современной уголовно-процессуальной политики являются сохранение и развитие в уголовно-процессуальном законодательстве, в судебной и в иной правоприменительной практике конституционных принципов уголовного судопроизводства, принципов и норм международного права, несмотря на сложное экономическое положение государства. Проведение либеральной реформы уголовно-процессуального законодательства в условиях кризиса представляет большую сложность. Риск свернуть с пути либеральных реформ слишком велик. Противостояние преступности либеральными уголовно-процессуальными средствами, в том числе расширенными правами обвиняемого, достаточно сильными в отношении него процессуальными гарантиями ставит перед правоохранительными органами сложные задачи, а в некоторые периоды почти непосильные с учетом сложностей с финансированием их деятельности.

Второй положительной чертой уголовно-процессуальной политики является попытка законодателя и правоприменителя все-таки поддерживать, хотя и не очень последовательно, баланс общественных и частных интересов в уголовном процессе. Расширению прав подозреваемого и обвиняемого, как правило, корреспондирует расширение прав потерпевшего и иных участников уголовного процесса. В поисках новых процессуальных форм расследования и судебного рассмотрения уголовных дел государство также пытается найти баланс указанных интересов. С одной стороны, власть активно ре-

ализует стратегию процессуальной экономии, с другой — стратегию защиты конституционных прав участников процесса.

Третьей позитивной чертой проводимой уголовно-процессуальной политики является использование в ней средств конституционного контроля, с помощью которого Конституционный Суд РФ поддерживает баланс между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти в процессе формирования законодательства и последующей правоприменительной практики в русле конституционных принципов судопроизводства. В судебной системе именно этот суд демонстрирует наибольшую степень самостоятельности и независимости при принятии своих решений.

Вместе с тем наряду с позитивными чертами современной уголовно-процессуальной политики можно отметить и те скрипты, которые обуславливают сбои в работе уголовно-процессуального механизма.

Полагаем, что все проблемы определения вектора реализации уголовно-процессуальной политики условно можно разделить на несколько основных блоков. Во-первых, это *проблемы целевого назначения реализации механизмов уголовно-процессуального регулирования*.

Назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) заключается, с одной стороны, в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а с другой стороны, в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Как представляется, законодатель, выделив стороны в уголовном судопроизводстве, законодательно закрепив принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), подчеркнул наличие существенных противоречий в интересах участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и со стороны защиты. Следовательно, соблюдение прав одних может быть сопряжено с ограничением прав других. Кроме того, назначение уголовного судопроизводства, закрепленное в ст. 6 УПК РФ, нельзя рассматривать в виде цели, поскольку последняя ориентирована на конкретный результат, а назначение основано на социальной потребности существования правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства, т.е. ориентировано на начальный момент уголовно-процессуальной деятельности [13, с. 21]. В таком аспекте в действующем уголовно-процессуальном законе отсутствуют как задачи, так и цели, а формирование кон-

цепции уголовно-процессуальной политики без определения цели таковой просто невозможно. Более того, приоритет частных интересов не может выступать и назначением уголовного судопроизводства, поскольку права личности было бы правильнее рассматривать в качестве не назначения системы, а ее ограничения [14].

Как результат — непоследовательность и противоречивость уголовно-процессуальной политики, обусловленные отсутствием одобренной законодательным органом власти концепции дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства. Полярность взглядов на дальнейшие пути развития государства в целом и законодательства в частности способствует этой непоследовательности. Вследствие указанных причин принимаются поправки в закон, недостаточно продуманные, без прогнозирования возможных последствий, вызванные лоббированием интересов отдельных силовых ведомств.

Отсутствие у законодателя понимания того, что должны представлять собой правоохранительные органы, в каких формах целесообразно осуществлять предварительное расследование, каков должен быть механизм расследования, процессуального руководства им и прокурорского надзора за его законностью, также приводит к внедрению в практику противоречивых законодательных инициатив. Это особенно очевидно в условиях противостояния интересов различных силовых ведомств, которые далеко не всегда приходят к консенсусу по поводу не только вопросов подследственности уголовных дел, но даже по поводу характера и объема полномочий друг друга, реализуемых в уголовно-процессуальной деятельности.

Второй проблемой уголовно-процессуальной политики следует признать *проблему достаточности средств ее реализации*.

Негативной чертой уголовно-процессуальной политики в последние годы является стремление решать проблемы преступности, в том числе и коррупции в самих правоохранительных органах, путем создания особых законодательных конструкций для отдельных видов преступлений и для отдельных субъектов преступлений. Речь идет об особом порядке возбуждения и прекращения дел по ряду экономических преступлений, о порядке избрания в отношении предпринимателей мер уголовно-процессуального принуждения. Эти законодательные инициативы находят поддержку в кругах бизнеса, но не в широких слоях населения, поскольку очевидно нарушают принцип равенства всех перед законом и судом.

В-третьих, детерминированной вышеуказанными сложностями является *концептуальная проблема соотношения цели и средств ее достижения*.

В этой связи нельзя не отметить присутствие некоей «ретроградности» в реализации уголовно-процессуальной политики. Так, концепция Уголовно-процессуального кодекса РФ в первоначальной редакции заключалась в провозглашении и процессуальной защите основных постулатов:

- принцип недопустимости поворота к худшему на всех стадиях уголовного судопроизводства;
- невозможность для суда выйти за пределы предъявленного обвинения и применить закон о более тяжком преступлении;
- ограничение полномочий суда в части возвращения уголовных дел в досудебное производство.

Однако правовые позиции Конституционного Суда РФ в последующем нивелируют эти фундаментальные начала уголовно-процессуальной политики, обеспечив ее ретроградное движение.

Так, с принятием УПК РФ и его вступлением в законную силу упразднен институт возвращения судом уголовных дел для производства дополнительного расследования. Однако ст. 237 УПК РФ предусматривала возможность возвращения судом уголовного дела прокурору при наличии одного из указанных в законе оснований. В ч. 4 ст. 237 УПК РФ при этом подчеркивалось, что производство каких-либо следственных или иных процессуальных действий по уголовному делу, возвращенному прокурору, не допускалось. По данному вопросу Конституционный Суд РФ пояснил: в соответствии с установленным в РФ порядком уголовного судопроизводства предшествующее рассмотрению дела в суде досудебное производство призвано служить целям полного и объективного судебного разбирательства по делу. В результате проводимых в ходе предварительного расследования следственных действий устанавливается и исследуется большинство доказательств по делу, причем отдельные следственные действия могут проводиться только в этой процессуальной стадии. Именно в досудебном производстве происходит формирование обвинения, которое впоследствии становится предметом судебного разбирательства и определяет его пределы. С учетом содержания и значимости досудебного производства уголовно-процессуальный закон гарантирует обвиняемому на стадии предвари-

тельного расследования право знать, в чем он обвиняется, пользоваться помощью защитника и переводчика бесплатно, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться по окончании дознания или предварительного следствия со всеми материалами уголовного дела и ряд других прав; потерпевший, в свою очередь, вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении, иметь своего представителя, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с материалами уголовного дела и др. Нарушение процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого на стадии предварительного расследования может лишить их эффективной судебной защиты.

В качестве гарантии процессуальных прав участников уголовного судопроизводства конституционные принципы правосудия предполагают неукоснительное соблюдение процедур уголовного преследования. Представляется, что в случае выявления допущенных органами дознания или предварительного следствия процессуальных нарушений суд вправе, самостоятельно и независимо осуществляя правосудие, принимать в соответствии с уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу.

Таким образом, суд общей юрисдикции при осуществлении производства по уголовному делу может по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, когда в досудебном производстве допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, неустранимые в судебном производстве, если возвращение дела прокурору не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия; при этом устранение допущенных нарушений предполагает осуществление необходимых для этого следственных и иных процессуальных действий. В противном случае участники уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы были нарушены в ходе досудебного производства, по существу, были бы лишены судебной защиты¹.

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи

Наконец, Конституционный Суд РФ расширил полномочия суда при рассмотрении уголовных дел по существу путем признания положения ч. 2 ст. 237 УПК РФ противоречащими Конституции РФ как исключаящего в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, что, по мнению Конституционного Суда РФ, препятствует самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления².

Четвертым обстоятельством, характеризующим современную уголовно-процессуальную политику, является ее несогласованность с иными направлениями правовой политики, в частности с уголовной и уголовно-исполнительной политикой государства. Между тем необходимость согласования инициатив по изменению закона, прогнозирование последствий этих изменений должны лежать в основе определения основных направлений правовой политики государства в целом. На это обращают внимание многие специалисты. В частности, В.В. Лунеев указывает, что к сожалению, комплексного подхода в вопросах контроля преступности у нас практически нет [15]. Каждая отрасль права развивается по своим, только ей ведомым принципам, которые нередко не согласуются даже со смежными отраслями [14, с. 194]. Отсутствие стабильности, бессистемность уголовно-процессуальной политики критикуются и учеными-процессуалистами [16, с. 60; 17, с. 31].

По справедливому утверждению В.Н. Кудрявцева, при разработке стратегии, позволяющей контролировать преступность, необходимо

иметь четкие представления о том, какой цели следует добиться. Целью может быть, например, снижение уровня преступности в целом или отдельных ее форм [18, с. 19–20]. По мнению известного криминолога В.В. Лунеева, объективные сведения о состоянии преступности в государстве, ее тенденциях, прогнозы ее изменения, оценка результатов противодействия ей со стороны государственных органов позволяют разработать конкретную программу противодействия преступности, дадут ориентиры законодателю при определении основных направлений правоохранительной деятельности, планировании законотворческой деятельности [19].

Объективная оценка состояния преступности в государстве, эффективности противостояния ей со стороны правоохранительных органов должна лежать в основе выбора законодателем модели уголовного процесса, уголовно-процессуальных форм расследования и судебного разбирательства уголовных дел, являющихся наряду с иными составляющими содержанием формируемой уголовно-процессуальной политики.

Анализируя статистику Госкомстата и МВД за период с 1995 г. по настоящее время, можно сделать вывод о том, что активный рост зарегистрированной преступности начался на территории России в перестроечное время и продолжился в 90-х гг. Если в начале перестройки количество зарегистрированных преступлений при сопоставимом количестве населения составило в 1985 г. 1 416,9 тыс., то в 1995 г. — уже 2 млн 755 тыс., а в 1998-м — 3 001,7 тыс. В период действия нового кодекса в 2002 г. число зарегистрированных преступлений составило 2 526,3, затем оно продолжило расти до 2006 г., в котором число зарегистрированных преступлений составило 3 855,4. В дальнейшем зарегистрированная преступность начала снижение, достигнув в 2011 г. 2 404,8, а в 2015 г. — 2 388 тыс.³

Сравнительный анализ зарегистрированных преступлений последних лет показывает, что в 2015 г. на территории России зарегистрировано преступлений на 9 % больше, чем за

с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституц. Суда РФ от 8 дек. 2003 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

² По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституц. Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Там же. 2013. № 28. Ст. 3881.

³ Преступность в России. Преступность по данным Госкомстата и МВД. URL: http://ruxpert.ru/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0:%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8#.D0.9F.D1.80.D0.B5.D1.81.D1.82.D1.83.D0.BF.D0.BD.D0.BE.D1.81.D1.82.D1.8C_.D0.BF.D0.BE_.D0.B4.D0.B0.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.BC_.D0.93.D0.BE.D1.81.D0.BA.D0.BE.D0.BC.D1.81.D1.82.D0.B0.D1.82.D0.B0_.D0.B8_.D0.9C.D0.92.D0.94.

2014 г.; раскрыто 1 254 706 преступлений из числа находившихся в производстве, а не раскрыто 1 047 099 преступлений, что на 7,2 % больше аналогичного показателя 2014 г.⁴

Тенденции роста и снижения числа зарегистрированных убийств и покушений на убийства являются сходными с приведенными выше данными. Если в 1985 г. на территории РФ их было зарегистрировано 12,2 тыс., то в 1994 г. уже 32,3 тыс. В дальнейшем количество этих преступлений стало снижаться, достигнув в 2015 г. 11,5 тыс.⁵

Можно было бы сделать вывод, что государство в достаточной мере контролирует преступность в условиях действия значительно менее жесткой уголовно-процессуальной политики, чем в дореформенное время, и существенной либерализации уголовно-процессуального законодательства, если не принимать во внимание уровень латентной преступности и особенности современной преступности.

Современной преступности в России свойственны новые и достаточно опасные черты: она стала более организованной, использует высокие технологии и мощную финансовую базу, для нее характерны сращивание с государственным аппаратом и легальным бизнесом, обширные международные связи. Массовость преступности означает, что она имеет не локальный, а общенациональный характер [18, с. 18].

Характеризуя состояние латентной преступности, криминологи указывают, что фактически мы не знаем реального объема преступности; мы не знаем ее полных социальных последствий; мы не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью; мы не знаем, во что она в целом обходится нашему народу; мы не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в мире. Более того, мы глубинно не изучаем эти проблемы. Мы привыкли ко всему этому «незнанию» на основе порочной статистики, как к стихии. Мы принимаем мошенническую статистику за реалии. И хотя мы многое предполагаем и даже более или менее прогнозируем, но нас пугают объективные тяжкие реалии, поскольку интуитивно понимаем, что, узнав все точно, мы ощути́м еще большую беспомощность перед растущей и изощряющейся пре-

⁴ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015 года. URL: http://genproc.gov.ru/upload/iblock/d07/0112_2015.pdf.

⁵ Преступность в России. Преступность по данным Госкомстата и МВД.

ступностью, выраженной в ее многочисленных и доселе нам не очень ведомых последствиях и жертвах. Вызывают серьезную озабоченность данные о состоянии латентной преступности в России. Криминологи анализируют сведения, полученные научно-исследовательскими институтами Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ. По этим сведениям, в год в Российской Федерации совершается до 25 млн преступлений. При этом к уголовной ответственности привлечено 1,2 млн чел., а осуждено всего 914,5 тыс. Это составляет примерно 3,6 % от расчетных реально совершенных деяний. Таким образом, избежали уголовной ответственности около 95 % правонарушителей [19].

Такова печальная, но объективная криминальная реальность. Справедливости ради следует отметить, что не лучше обстоят дела и в других крупных государствах, испытывающих большие сложности в процессе контролирования преступности. Об этом свидетельствует, например, анализ состояния борьбы с преступностью в США [там же].

Разумеется, правдивые неискаженные сведения о состоянии преступности должны лежать в основе реформирования как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства.

Приведенные данные о состоянии преступности свидетельствуют о необходимости комплексного решения проблем и об использовании при этом средств различных отраслей права. Несмотря на все чаще высказывающиеся на страницах научных изданий мнения о необходимости гуманизации уголовной политики в той или иной части, тем не менее более распространенной является точка зрения о необходимости дополнительной криминализации новых деяний. Да и сам законодатель идет по этому пути.

Мы согласны с автором, который полагает, что интенсивное расширение уголовно наказуемых деяний само по себе вряд ли само по себе будет способствовать повышению эффективности борьбы с преступностью [14, с. 220].

Зачастую уголовное судопроизводство является орудием разрешения уголовно-исполнительных вопросов. Проблему перегруженности уголовно-исполнительной системы, в частности, можно решить средствами уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики. Амнистию, помилование следует считать средствами корректирования карательной государственной политики, но не на ранних, а

на последующих этапах уголовного судопроизводства. Однако такое позднее реагирование не решает вопросов снижения затрат на уголовное преследование, роста доверия населения к правоохранительным органам и судам, повышения эффективности производства. Следовательно, можно констатировать, что по-прежнему государственная уголовная политика носит карательный характер с некоторыми элементами социальной направленности, но не в интересах отдельных лиц и общества, а в целях обеспечения функционирования собственного государственного механизма [20, с. 145–146].

Резюмируя вышеизложенное, можно выделить основные черты современной уголовно-процессуальной политики:

1. В досудебном производстве:

– поиск оптимальной модели органов, осуществляющих предварительное расследование и оперативно-розыскную деятельность, определение их структуры, компетенции, порядка взаимодействия и контроля их деятельности;

– усиление в процессе расследования процессуальных гарантий специальных субъектов привлечения к уголовной ответственности в лице предпринимателей и иных лиц, совершивших некоторые виды преступлений в сфере экономики;

– введение особого порядка прекращения уголовных дел в отношении специальных субъектов привлечения к уголовной ответственности при полном возмещении причиненного преступлением ущерба.

2. В судебном производстве:

– укрепление независимости судебной власти;

– расширение полномочий судов общей юрисдикции при осуществлении судебного контроля на стадии предварительного расследования;

– продолжение дифференциации процессуальных форм. Расширение упрощенных производств для реализации уголовно-процессуальной стратегии процессуальной экономии. Недостаточно успешный поиск оптимального процессуального регулирования уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей, в том числе и в вопросах подсудности уголовных дел;

– изменение процессуального регулирования контрольных стадий уголовного процесса.

3. В сфере обеспечения уголовного судопроизводства: расширение использования в уголовно-процессуальной деятельности современных технологий и приведение уголовно-процессуальных норм в соответствие с требованиями научно-технического развития общества.

Описанные выше факторы определяют необходимость внедрения в уголовно-процессуальную материю ряда жизненно важных скриптов уголовно-процессуальной политики.

Во-первых, *требуется разработка единой концепции уголовной и уголовно-процессуальной политики*. Как уже отмечалось, главным недостатком проводимой в государстве уголовно-процессуальной политики является отсутствие концепции этой политики, обсужденной с научной общественностью, с правоприменителями, согласованной с концепциями уголовной и уголовно-исполнительной политики, принятой на законодательном уровне. Разработка такой концепции способствовала бы более последовательному законотворчеству и формированию следственной и судебной практики. В настоящее время отдельными авторами предпринимаются попытки разработать собственную концепцию уголовно-процессуальной политики, однако, как правило, эта частная инициатива является достаточно слабой вследствие отсутствия у нее значительной базы мониторинга законодательства, которую не под силу получить отдельным исследователям. По нашему мнению, мониторинг применения уголовно-процессуального законодательства и практики деятельности правоохранительных органов должен проводиться на правительственном уровне специализированными научно-исследовательскими учреждениями по заказу разработчиков концепции (как отмечается в этой связи авторами одной из концепций уголовной политики, ближайшей целью Концепции современной уголовной политики России является разработка подходов к сдерживанию преступности с последующим формированием позитивных тенденций развития криминологической безопасности населения⁶).

Во-вторых, необходимо политическое решение о *выборе модели современного российского уголовного судопроизводства*. Выбор модели уголовного процесса законодателю было бы целесообразно связать с вопросом о необходимости сохранения баланса государственных и частных интересов и с сохранением конституционных принципов уголовного судопроизводства. Принимая решение на законодательном уровне, следует подумать о его возможных последствиях для общества.

В-третьих, решение вопроса о достижении социально полезных результатов уголовно-про-

⁶ Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. URL: <http://textarchive.ru/c-2748439.html>.

цессуальной политики требует *обращения внимания на кадровые проблемы*. Действительно, сохранение состязательности в судебных стадиях уголовного процесса предполагает высокий уровень профессионализма сотрудников органов предварительного расследования и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Расширение уголовно-процессуальных гарантий подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе требует того же. Применение и расширение усложненной процессуальной формы в виде судопроизводства с участием присяжных заседателей повышают требования не только к качеству предварительного расследования, но и к деятельности государственных обвинителей. К сожалению, кадровый состав следственного корпуса и подразделений дознавателей не соответствует в полной мере задачам, сформулированным в уголовно-процессуальном законе [21]. Более того, исследователи современного состояния работы судебного корпуса в сфере уголовного судопроизводства также отмечают особенности его функционирования на современном этапе: поточная нагрузка, типовые операции, ограничение пространства состязательности [22, с. 16–17], формирование судебного корпуса на две трети женщинами, наличие высшего специализированного образования, полученного очно, только 40 % судей, рост доли судей старше 50 лет до 21 % и др. [22, с. 101].

Это связано с кризисными явлениями во многих сферах жизни российского общества, которые не преодолены и в последние 15 лет. Утрата преемственности в обучении следственных кадров в 90-е гг. XX в. сказывается и в настоящее время. Такая ситуация не позволяет государственным органам достойно противостоять высокому уровню преступности, вызывает недовольство в обществе. В связи с этим все чаще звучат призывы вернуть прежнюю уголовно-процессуальную модель, включив тем самым суд в активную борьбу с преступностью. Однако надо отдавать себе отчет в том, к каким последствиям это изменение модели может привести.

Возвращение к модели уголовного процесса, использованной в УПК РСФСР 1960 г., может со временем привести к усилению обвинительного уклона в деятельности не только органов предварительного расследования, но и суда, уголовно-процессуальные гарантии подозреваемого и обвиняемого будут снижаться. Однако включение суда в выполнение функций обвинительного характера со временем бесспорно

повысит эффективность борьбы с преступностью. Вызывает некоторое сомнение тот факт, что в последние десятилетия сформировался судебский корпус, который никогда не работал в условиях дореформенной модели уголовного процесса и не обладает достаточными для этого навыками. В данной связи интересны результаты социологического исследования респондентов — представителей судебного корпуса на территории семи субъектов РФ, проведенного в 2014 г., согласно которым более 90 % уголовных дел содержит признание обвиняемым своей вины, а две трети дел рассматривается в особом порядке, где, по сути, спор о виновности лица отсутствует [22, с. 17]. Учитывая, что подавляющее большинство уголовных дел рассматривается судами в упрощенной процессуальной форме без непосредственного исследования доказательств, можно прийти к выводу, что судебский корпус постепенно утрачивает навыки рассмотрения дел в обычном порядке.

Следует также иметь в виду, что в предлагаемую модель не вписывается производство в суде присяжных в нынешнем виде, а суд присяжных гарантирован Конституцией РФ. Сложности возникнут при распространении суда присяжных на районное звено федеральных судов, как это предполагается в будущем, которые вообще не имеют опыта рассмотрения и разрешения дел в усложненной процессуальной форме. Потребуется достаточно длительное время для адаптации судей в новых условиях. Сложно прогнозировать количество дел, которое может поступить для рассмотрения судом присяжных. Это может быть и гораздо более значительное число по сравнению с сегодняшним днем, поскольку количество ежегодных убийств и причинения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, высоко.

Принимая за основу дореформенную уголовно-процессуальную модель, нужно будет искать иные модели реализации принципа участия граждан в осуществлении правосудия.

Наконец, успешная уголовно-процессуальная политика может быть реализована посредством обеспечения баланса интересов общества и государства. А это возможно только при сильных институтах гражданского общества.

Анализ общественного мнения о ценности, значимости уголовного процесса, связанных с ним ожиданиях различных групп респондентов свидетельствует, что общество нуждается в защищенности, справедливости и безопасности [23] (табл.).

Уголовное судопроизводство в общественных ожиданиях, % от общего количества опрошенных
Public expectations regarding criminal court procedure, % of respondents

Варианты ответа / Reply variants	Судьи / Judges	Прокуроры / Prosecutors	Следователи и дознаватели / Investigators	Адвокаты / Attorneys
Справедливость правосудия / Fairness of justice	58,3	71,5	62,6	46,7
Нормативное регулирование процессуальной формы привлечения виновного к уголовной ответственности / Normative regulation of the procedural form of criminal prosecution for the guilty person	18,1	28,5	33,0	25,0
Уголовный процесс — сфера реализации норм материального права / Criminal process is the sphere of implementing material law norms	11,1	16,3	17,9	21,7
Надлежащие гарантии законности и обоснованности принуждения / Due guarantees of the legality and validity of coercion	16,7	18,7	10,3	46,7
Восстановление и защита прав потерпевших / Restoration and protection of the rights of the victims	45,8	43,9	45,5	50,0
Реабилитация невиновных / Rehabilitation of innocent people	29,2	22,8	22,0	46,7
Обеспечение общественного порядка / Provision of public order	38,9	43,9	40,9	37,2
Баланс интересов личности, общества и государства / Balance between the interests of the individual, the society and the state	13,9	7,3	7,4	18,9

Одним из средств поддержания баланса частных и публичных интересов является формирование и укрепление квалифицированного адвокатского сообщества, отличающегося независимостью и принципиальностью его членов.

К сожалению, применительно к представителям адвокатского сообщества исследователями отмечаются такие специфические черты, характеризующие уровень их профессионализма, как «карманность» адвокатской деятельности, невыполнение даже формального минимума процессуальных обязанностей, требуемых от защитника по назначению, и т.п. [24].

Успешно функционирующие институты гражданского общества могут быть проиллюстрированы примером защиты адвокатской тайны во Франции, в частности, в форме активного несогласия французского адвокатского сообщества с попытками парламента этой страны в 2004 г. легализовать на территории страны одну из директив ЕС («Закон Пербена II» — *La loi de Perben II*). В 1991 г. в странах ЕС была достигнута договоренность об обязанности организаций или учреждений, работающих с финансами, о безусловной идентификации клиента до начала его обслуживания, текущем анализе и оценке платежей на предмет «гряз-

ных денег», а при наличии сомнений — об обязанности соответствующих организаций направить в компетентные органы «декларацию подозрительности». Как следствие, для обеспечения данного предписания в 2003 г. авторы «Закона Пербена II» пытались вменить в обязанность адвоката при обращении к нему клиента за юридической помощью по вопросам покупки недвижимости, акций и т.п. на крупную сумму следующие действия: 1) ознакомиться с подлинными документами клиента; 2) при наличии сомнений о природе сделок сделать с них копии; 3) уведомить клиента о своих обязательствах по «Закону Пербена»; 4) направить в прокуратуру «декларацию подозрительности»; 5) отказаться от оказания юридической помощи.

Благодаря последовавшей многотысячной забастовке представителей адвокатского сообщества, возмущенных таким вмешательством в адвокатскую тайну, законодателями в закон были внесены некоторые поправки, а затем Конституционный суд Франции вынес постановление, которым поддержал неприкосновенность адвокатской тайны, указав, что принятый «Закон Пербена» может распространяться на адвокатов лишь тогда, когда в действиях и документах, представленных адвокату клиентом,

явно (без дополнительной экспертизы и консультаций с финансовыми агентами) видны незаконные денежные операции, т.е. в тех случаях, когда ни один здравомыслящий адвокат и не возьмется за такое поручение.

В России вопросы адвокатской тайны урегулированы в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также отдельными статьями УПК РФ. Однако, несмотря на должное законодательное урегулирование гарантий адвокатской тайны, в правоприменительной практике возникают существенные проблемы, которые приходится разрешать Конституционному Суду РФ.

Октябрьским районным судом Новосибирска 5 октября 2014 г. было удовлетворено ходатайство следователя о производстве обыска в помещениях некоммерческой организации «Новосибирская городская коллегия адвокатов» с целью отыскания и изъятия документов, подтверждающих оплату юридической помощи по уголовному делу, а также личного обыска адвокатов и иных лиц, которые могли находиться в данном помещении на момент производства соответствующих следственных действий.

По факту такого обыска заявители обратились в Конституционный Суд, поскольку, по их мнению, УПК РФ позволяет суду удовлетворять ходатайства следователя об изъятии у адвоката, осуществляющего защиту подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу, и в помещении адвокатского образования составляющих адвокатскую тайну материалов адвокатских производств в отношении доверителей, что создает возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина и препятствует профессиональной деятельности адвоката.

Доводы Конституционного Суда РФ, проверившего конституционность норм УПК РФ, допускающих возможность проведения обыска, связанного с доступом к материалам адвокатского производства, сводились к следующему:

1. Только суд правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, и это обусловлено *специфическим характером содержащейся в изымаемых предметах и документах информации*.

2. Отсутствие в ст. 182 УПК РФ прямого указания на необходимость вынесения судебного решения о производстве обыска с целью изъятия (выемки) предметов и документов, содержащих охраняемую законом тайну, не означает, что ею

устанавливается иная, нежели предусмотренная п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, порядок выемки и изъятия материалов, составляющих адвокатскую тайну.

3. Предварительный судебный контроль в отношении производства обыска в целях обнаружения и изъятия орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, а также предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, в частности в случаях, когда такие предметы и документы содержат охраняемую федеральным законом тайну, *включая адвокатскую*.

4. При этом гарантии конфиденциальности должны распространяться на те отношения подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами (защитниками), которые *не выходят* за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи доверителю в порядке, установленном законом.

5. *Не все сведения*, которым адвокат и его доверитель желали бы придать конфиденциальный характер и которые вследствие этого включены адвокатом в его производство, являются адвокатской тайной. Режим адвокатской тайны не распространяется на орудия преступления, а также на предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также сведения, свидетельствующие о совершении правонарушений, имеющих уголовно противоправный характер, в частности о злоупотреблениях правом на юридическую помощь и защиту от подозрения и обвинения, допускаемых как адвокатом, так и лицом, которому оказывается юридическая помощь, а также третьим лицом (например, оплачивающим услуги адвоката)⁷.

Таким образом, проведение следственных действий, включая производство всех видов обыска, в отношении адвоката допускается только по судебному решению, отвечающему требованиям законности, обоснованности и мотивированности (ст. 7 УПК РФ) с указанием, с одной стороны, конкретных объектов поиска и изъятия в ходе данного следственного действия, а также сведений, служащих законным основанием для его проведения, с другой стороны.

⁷ По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других : постановление Конституц. Суда РФ от 17 дек. 2015 г. № 33-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 52, ч. 1. Ст. 7682.

Итак, выполнение уголовным судопроизводством в целом своего высокого предназначения в обществе [25] возможно путем внедрения в уголовно-процессуальную материю ряда жизненно важных скриптов уголовно-процессуальной по-

литики, а именно: разработка единой концепции уголовной и уголовно-процессуальной политики, принятие политического решения о выборе модели современного российского уголовного судопроизводства, решение кадровых проблем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bradley G.M. *The Failure of the Criminal Procedure Revolution: A Response* / Craig M. Bradley. — Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 1993. — 261 p.
2. Баранов А.М. Уголовно-процессуальная политика России: вчера, сегодня, завтра / А.М. Баранов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 3 (17). — С. 16–22.
3. Косенко А.М. О стадии и институте возбуждения уголовного дела / А.М. Косенко // Российский следователь. — 2017. — № 13. — С. 10–14.
4. Селина Е.В. Понятие «Уголовная политика» и основные направления формирования уголовно-процессуальной политики в современном праве / Е.В. Селина // Современное право. — 2015. — № 10. — С. 105–109.
5. Саркисова Э.А. Современная уголовно-правовая политика Республики Беларусь: содержание, тенденции, перспективы / Э.А. Саркисова // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. — Минск : Бизнесофсет, 2011. — Вып. 6. — С. 539–547.
6. Рыжкова И.А. Проблемы реализации уголовно-процессуальной политики в области обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве / И.А. Рыжкова // Мировой судья. — 2015. — № 5. — С. 9–11.
7. Проблемы развития уголовно-процессуального права в России / под ред. В.М. Жуйкова. — М. : Норма, 2016. — 224 с.
8. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — М. : Статут, 2016. — 1278 с.=
9. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process / H.L. Packer // University of Pennsylvania Law Review. — 1964. — Vol. 113, No 1. — P. 1–68.
10. Polinsky A.M. Economic Analysis of Law [Electronic resource] / A.M. Polinsky, S. Shavell // Harvard Law and Economics Discussion Paper. — 2005. — № 536. — Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=859406> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.859406>.
11. Россинский С.Б. Следственные действия / С.Б. Россинский. — М. : Норма, 2018. — 240 с.
12. Pradel J. *Droit penal compare* / J. Pradel. — 3rd ed. — Paris : Dalloz, 2008. — 719 p.
13. Чердынцева И.А. Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Чердынцева. — Омск, 2008. — 23 с.
14. Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.П. Попов. — Н. Новгород, 2006. — 458 с.
15. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 912 с.
16. Варпаховская Е.М. Уголовно-процессуальная политика России в отношении потерпевших: ретроспективный анализ / Е.В. Варпаховская // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 3 (17). — С. 59–67.
17. Марковичева Е.В. Уголовно-процессуальная политика в отношении несовершеннолетних / Е.В. Марковичева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 3 (17). — С. 30–36.
18. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. — М. : Юрист, 2003. — 352 с.
19. Лунеев В.В. Проблемы отечественной преступности: статистика и реалии [Электронный ресурс] / В.В. Лунеев, И.М. Мацкевич, К.Д. Нечевин // Евразийский юридический журнал. — 2010. — № 1 (32). — Режим доступа: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1815:2011-02-03-08-53-11&catid=101:2010-06-03-10-59-29.
20. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.Г. Смирнова. — Томск, 2012. — 517 с.
21. Титаев К.Д. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность / К.Д. Титаев, М.С. Шклярчук. — М. : Норма, 2016. — 192 с.
22. Российские судьи: социологическое исследование профессии / под ред. В. Волкова. — М. : Норма, 2015. — 272 с.
23. Смирнова И.Г. Общественное мнение об уголовном судопроизводстве: о чем говорят цифры / И.Г. Смирнова // Журнал российского права. — 2011. — № 5 (173). — С. 57–65.
24. Бачаров Т.Ю. Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии / Т.Ю. Бачаров, Е.Н. Моисеева. — СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2017. — 278 с.
25. Лупинская П.А. Высокое политическое значение уголовного судопроизводства / П.А. Лупинская // Lex Russica. — 2008. — № 2. — С. 277–298.

REFERENCES

1. Bradley Graig M. *The Failure of the Criminal Procedure Revolution: A Response*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1993. 261 p.
2. Baranov A.M. Criminal Procedure Policy of Russia: Yesterday, Today, Tomorrow. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal procedure and criminalistic readings*, 2017, no. 3 (17), pp. 16–22. (In Russian).
3. Kosenko A.M. On the stages and the institute of initiating a criminal case. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2017, no. 13, pp. 10–14. (In Russian).

4. Selina E.V. The concept of «Criminal Policy» and the key trends of forming the criminal procedure policy in contemporary law. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2015, no. 10, pp. 105–109. (In Russian).
5. Sarkisova E.A. Contemporary criminal law policy of the Republic of Belarus: content, trends, prospects. *Pravo v sovremenom belorusskom obshchestve* [The Law in Contemporary Belarus Society]. Minsk, Biznesofset Publ., 2011, iss. 6, pp. 539–547. (In Russian).
6. Ryzhkova I.A. The issues of implementing the criminal procedure policy in the sphere of ensuring the rights of an individual in criminal procedure. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2015, no. 5, pp. 9–11. (In Russian).
7. Zhuikov V.M. (ed.). *Problemy razvitiya ugovovno-protsessual'nogo prava v Rossii* [The Issues of Developing Criminal Procedure Law in Russia]. Moscow, Norma Publ., 2016. 224 p.
8. Golovko L.V. (ed.). *Kurs ugovovnogo protsesssa* [A Course in Criminal Process]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p.
9. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process. *University of Pennsylvania Law Review*, 1964, vol. 113, no. 1, pp. 1–68.
10. Polinsky A.M., Shavell S. Economic Analysis of Law. *Harvard Law and Economics Discussion Paper*, 2005, no. 536. Available at: <https://ssrn.com/abstract=859406> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.859406>.
11. Rossinsky S.B. *Sledstvennye deistviya* [Investigative Actions]. Moscow, Norma Publ., 2018. 240 p.
12. Pradel J. *Droit penal compare*. 3rd ed. Paris, Dalloz, 2008. 719 p.
13. Cherdyntseva I.A. *Naznachenie sovremennogo rossiiskogo ugovovnogo protsesssa kak element ego tipologicheskoi kharakteristiki. Avtoref. Kand. Diss.* [The purpose of modern Russian criminal procedure as an element of its typological characteristics. Cand. Diss. Thesis]. Omsk, 2008. 23 p.
14. Popov A.P. *Tselepolaganie v sovremenom otechestvennom ugovovnom sudoproizvodstve. Dokt. Diss.* [Goal-setting in contemporary Russian criminal court procedure. Doct. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2006. 458 p.
15. Lunev V.V. *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii* [Crimes of the 20th Century: World, Regional and Russian Trends]. 2nd ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 912 p.
16. Varpakhovskaya E.M. Criminal procedural policy of Russia in respect of the victim: a retrospective analysis. *Sibirskie ugovovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Reading*, 2017, no. 3 (17), pp. 59–67. (In Russian).
17. Markovicheva E.V. Criminal procedure policy regarding minors. *Sibirskie ugovovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Reading*, 2017, no. 3 (17), pp. 30–36. (In Russian).
18. Kudryavtsev V.N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* [Strategies for Counteracting Crime]. Moscow, Jurist Publ., 2003. 352 p.
19. Lunev V.V., Matskevich I.M., Nechevin K.D. Problems of Russian crimes: statistics and real life. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2010, no. 1 (32). Available at: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1815:2011-02-03-08-53-11&catid=101:2010-06-03-10-59-29. (In Russian).
20. Smirnova I.G. *Sotsial'naya tsennost' rossiiskogo ugovovnogo sudoproizvodstva. Dokt. Diss.* [Social value of Russian criminal court procedure. Doct. Diss.]. Tomsk, 2012. 517 p.
21. Titaev K.D., Shklyaruk M.S. *Rossiiskii sledovatel': prizvanie, professiya, povsednevnost'* [Russian investigator: calling, profession, everyday work]. Moscow, Norma Publ., 2016. 192 p.
22. Volkov V. (ed.). *Rossiiskie sud'i: sotsiologicheskoe issledovanie professii* [Russian Judges: a Sociological Research of the Profession]. Moscow, Norma Publ., 2015. 272 p.
23. Smirnova I.G. Public opinion on criminal court procedure: what the numbers tell us. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2011, no. 5 (173), pp. 57–65. (In Russian).
24. Bacharov T.Yu., Moiseeva E.N. *Byt' advokatom v Rossii: sotsiologicheskoe issledovanie professii* [Being an attorney in Russia: a sociological study of the profession]. European University at Saint Petersburg Publ., 2017. 278 p.
25. Lupinskaya P.A. High political meaning of criminal court procedure. *Lex Russica*, 2008, no. 2, pp. 277–298. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кириллова Наталья Павловна — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: kirillova59@mail.ru.

Смирнова Ирина Георгиевна — заместитель директора Юридического института Байкальского государственного университета по научной работе, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кириллова Н.П. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики / Н.П. Кириллова, И.Г. Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 1. — С. 116–127. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).116-127.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kirillova, Natalia P. — Professor, Chair of Criminal Trial and Criminalistics, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Ass. Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: kirillova59@mail.ru.

Smirnova, Irina G. — Deputy Director for Research, Head, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law Institute, Baikal State University, Doctor of Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

FOR CITATION

Kirillova N.P., Smirnova I.G. Key scripts of contemporary criminal procedure policy. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 116–127. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).116-127. (In Russian).